

Самец чечётки на кормёжке

Хозяйками этой открытой воды были две оляпки. Птицы, видимо, жили здесь всю зиму. В полукилометре выше по течению обнаружилась добротная избушка, ещё пахнувшая свежим деревом. Здесь я и обосновался.

На следующий день нужно было проведать Чувал — посмотреть птиц.

Я надеялся встретить белых куропаток или щуров. Щедро светило солнце, на хребет вёл снеговой след. В снежных кронах деревьев попискивали гаички, иногда доносился меланхоличный свист снегиря. Тропа понемногу уходила вверх. Вдруг отчётливо прозвучали голоса щуров. Этих крупных вьюр-

ков мне всегда хочется сфотографировать, но почему-то на Вишерском Урале флегматичные птицы ведут себя весьма осторожно. Вот и сейчас щуры пролетели вдалеке и скрылись.

Я поднялся выше границы леса. Отдельные низкорослые деревца, пробравшиеся сюда, были полностью укутаны снегом. Как всегда, наверху дул пронизывающий ветер. Царство белого безмолвия лежало вокруг. Куропатки тоже покинули суровые горы и жили где-то внизу, скорее всего прямо в пойме Вишеры. Цепочки их следов уже попадались мне на глаза по берегам. На вершине хребта жизни не было — снежная пустыня. Глубина снега местами достигала двух метров.

Нужно было возвращаться, смысла в блуждании по гребню хребта не было решительно никакого. Я спустился вниз к избушке. Чай из термоса подкрепил силы. В лесу снова пересвистывались снегيري, попискивали гаички, иногда подавали голос клесты, но «крестоклювых» птиц было мало.

Утро следующего дня было посвящено оляпкам, которые жили возле полыньи. Птицы близко не подпускали, но я всё равно извёл на них не одну сотню кадров. Поразительное впечатление производят эти пичуги, когда, не заду-

Посадка на воду

Оляпка уходит на промысел

Иногда в качестве добычи оляпке попадают мальки рыб